

Летописи рассказывают, что четыре русских князя весной 1185 года отправились в поход за Дон, самонадеянно намереваясь победить исконных врагов Русской Земли — половцев и дойти до самого Лукоморья — до берегов Азовского моря, где были зимовья этого воинственного и многочисленного степного народа.

Эти четыре князя были — Игорь, князь маленького Новгород-Северского княжества на Десне, его брат Всеволод, князь Трубчевский, племянник Святослав и юный сын Игоря — Владимир. Незадолго до того, в 1183 году, киевский князь Святослав Всеволодович — феодальный глава всех русских князей, их «отец» (Игорю он приходился двоюродным братом) — наголову разбил половцев и тем на несколько лет отвратил опасность их нашествий.

В начале похода, 1 мая, русское войско застигло солнечное затмение, считавшееся зловещим предзнаменованием. Но гордые князья не повернули коней назад. Первая их встреча с половцами была победной. Русские разбили половцев, захватили половецкие вежи (кочевые шатры на колесах — кибитки) и богатую добычу. Войско снова двинулось вперед и шло несколько дней. Разведка донесла, что против русского войска собирается «вся половецкая земля», что застать половцев врасплох не удалось, что половцы «ак борове» (как леса) окружают русское войско. Игорь снова не поворотил коней, но ободрил своих воинов, воззвав к их чувству воинской чести.

Чтобы не покинуть в бою пешее крестьянское ополчение, Игорь приказал своим воинам — дружине — принять бой в пешем строю, сражаясь со всеми вместе.

Окруженное превосходящими силами противника, небольшое русское войско мужественно сражалось три дня, изнемогая от жажды. Первыми обессилили кони. Потом обратились в бегство ковуи — союзные русским крещеные кочевники. Игорь, сняв шлем, чтобы быть узнанным, помчался им наперерез. Он хотел остановить их, но был ранен в руку. Его схватили половцы. Связанный, он видел, как мужественно сражается его брат Всеволод, и молил бога о смерти, чтобы не видеть гибели брата и поражения русских. Летописец приводит его покаянную речь: в тяжком раздумье о поражении русских он каялся, что участвовал в междоусобных бранях и тем сотворил много зла русскому народу.

Игорь был глубоко прав, объясняя поражение от половцев предшествующими усобицами князей. Русским князьям не хватало единства в борьбе с врагом. Они выступали против степи разрозненно и несогласованно. Враждовавшие между собой князья не могли сопротивляться страшному врагу Руси, объединенному под властью хана Кончака.

Поражение Игоря и его войска было самым страшным поражением за всю историю войн с половцами. Впервые русские князья были взяты в плен, а все войско уничтожено. Половцы ободрились и немедленно начали новые набеги на мирные города и села русских.

Через год Игорю удалось бежать из плена. В этом ему помог половец Овлур (или Лавр). Поначалу Игорь не хотел «пойти по неславному пути» — обмануть доверие половцев, предоставивших ему относительную свободу. Но к бегству его побудили страдания русского народа, подвергшегося опустошительным набегам.

О поражении Игоря сохранились две летописные повести. Одна, подробная, в Ипатьевской летописи; другая, краткая, в Лаврентьевской.

В начале девяностых годов XVIII века известный собиратель русских древностей граф А. И. Мусин-Пушкин, нашедший, между прочим, знаменитую Лаврентьевскую летопись и не менее знаменитую Троицкую, издавший «Поучение» Владимира Мономаха и «Русскую Правду», купил через своего комиссионера у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоля большой сборник, в котором находилось несколько выдающихся светских произведений и среди них «Слово о полку (походе) Игоря Святославича» — произведение, посвященное поражению 1185 года.

«Слово о полку Игореве» — это не рассказ о походе Игоря. Это «слово», размышление о походе, плач о русском поражении, слава вернувшемуся из плена Игорю, призыв к русским князьям объединиться и загородить половецкому полю путь на Русскую землю. Это поэтическое раздумье о русской истории и русской современности.

В своих поэтических сетованиях автор «Слова» охватывает всю Русскую землю — от Тмутарокани на северном побережье Черного моря и до Новгорода на севере, от Волги на востоке и до крайних рубежей Русской земли на западе. Автор «Слова» говорит о соседях Руси — далеких и близких, вспоминает князей старых и современных ему. В «Слове» много поэтических упоминаний лиц и событий, рек и городов. Автор писал для современников, хорошо осведомленных в событиях своей истории, в географии Руси, знавших природу степи и родных мест. Для них все было понятно из легких намеков, упоминаний и напоминаний. Вот почему А. И. Мусин-Пушкин не мог разобраться в этом необычайно трудном для понимания произведении. Он пригласил для издания двух лучших археографов своего времени: Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского и с их помощью опубликовал текст «Слова» с переводом и комментариями.

Он предоставлял рукопись «Слова» для ознакомления всем нуждающимся в этом. Рукопись смотрели лучший историк того времени Н. М. Карамзин и лучший палеограф А. И. Ермолаев. И все же первое издание «Слова» содержит много ошибок, неточностей в переводе, неправильных делений текста на слова (в рукописи «Слово» было написано в сплошную строку без делений на слова), в примечаниях неправильно определены некоторые князья и местные названия. То, что кажется сейчас простым и ясным, не было понято первыми издателями. Для них неясна была даже основная идея «Слова» и связь его с народной поэзией. Красота «Слова» пленила русских людей начала XIX века скорее интуитивно, чем сознательно. В век помпезного прославления русских побед на юге и западе России казалась странной маленькая и скорбная поэма о русском поражении, о горе простых людей.

Во время пожара Москвы в 1812 году сгорел дом А. И. Мусина-Пушкина со всем его бесценным собранием рукописей. Случай сохранил только Лаврентьевскую летопись с «Поучением» Владимира Мономаха: она была взята для работы на дом Н. М. Карамзиным.

Вскоре в одном Апостоле начала XIV века нашелся отрывок, представлявший собой переделку из «Слова». Обратили внимание и на близость «Слову» некоторых частей «Сказания о Мамаевом побоище». Близость эта объяснилась в 1852 году, когда была найдена «Задонщина» — произведение конца XIV — начала XV века о Куликовской битве, написанное под влиянием «Слова о полку Игореве» и само повлиявшее на «Сказание». В конце XIX века нашли «Слово о гибели Русской земли» — памятник, близкий по своему характеру «Слову о полку Игореве». Все яснее и отчетливее выступала высокая культура домонгольской Руси, ее превосходная живопись, зодчество, ремесла. Историки и литературоведы объяснили идеи «Слова», языковеды — отдельные непонятные первым издателям языковые формы, востоковеды объяснили древнетюркские слова в «Слове» и т. д.

«Слово» — это маленькая по размерам, но громадная по своему поэтическому богатству драгоценность. В нем немногим более 2800 слов, но каждое слово весомо, глубоко, емко, употреблено к месту. Это памятник о поражении, но он написан мужественным человеком, не страшившимся смотреть правде в глаза и говорить горькие слова своим современникам князьям. Это плод глубокого размышления не только о причинах поражения Игоря, но и о судьбах родины. «Слово» музыкально и ритмично. Автор с поразительной наблюдательностью говорит о природе Руси: он смотрит на Русь как бы с огромной высоты. В поле

его зрения многочисленные города и реки; он объединяет события, происходящие в разных концах страны и в разное время. Он лишен каких бы то ни было местных интересов и местных пристрастий. Родина для него — не одно какое-либо княжество, а вся Русская земля.

Страстность, с которой написано «Слово», поразительна. Оно полно сильных и волнующих чувств. Рассказывая о походе русского войска, автор «Слова» преисполнен такой сильной скорби, что как бы не может удержать себя от вмешательства в ход событий. Он прерывает самого себя горестными восклицаниями: «О, далеко залетел сокол, птиц избивая, к морю! А Игорев храброго полку уже не воскресить!» Автор «Слова» одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее у людей. Чувства автора «Слова» так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется: этими же чувствами наделено и все окружающее. Животные и деревья, травы, цветы, вся природа и даже городские стены щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе: они предупреждают русских о несчастьях, переживают с ними радость и горе. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего. Чувства автора, находящие отклик в природе, как бы удесятерены в силе.

Сила любви к родине покоряет читателя. «Слово» — одно из самых значительных произведений русской литературы. Посвященное поражению русских, оно явилось одной из самых значительных побед русского слова и русской литературы.

Владимир Иванович Семенов создал, как мне представляется, удачные иллюстрации. Близость древнерусскому искусству явно ощущается, но вместе с тем в его иллюстрациях есть необходимая степень современного отношения к прошлому, без которого они могли бы восприниматься как простая стилизация под икону. Изображения Семеновым Игоря Святославича, Ярославны, Святослава Киевского, Всеволода Буй Тура — не иконы, а портреты, в которых переданы характеры и психология, но средствами древнерусской живописи.

Текст «Слова» и его перевод печатаются по изданию: Изборник (Сборник произведений литературы древней Руси). М., «Художественная литература», 1969, стр. 196—213, 715—726. Там же читатель сможет найти объяснения отдельных мест «Слова».

Д. С. Лихачев